

Л. В. Коцюбинская
Санкт-Петербург, Россия

МЕТАФОРА «ИНФОРМАЦИОННАЯ АТАКА» КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

АННОТАЦИЯ. Лексический состав языка быстро реагирует на изменения, происходящие в жизни общества. Процесс пополнения политической лексики идет постоянно. Одна из современных форм борьбы между государствами — это информационное противоборство, представляющее собой использование различных методов для воздействия на информационную среду противника. Политика информационного противоборства отражается в языке посредством таких единиц, как «информационная война», «информационный шум», «информационное общество» и др. Объектом настоящего исследования выступает метафорическое словосочетание «информационная атака». В рамках настоящей работы понятие «информационная атака» определяется как способ вербализации и внедрения политически и/или идеологически значимых смыслов с целью воздействовать на общественное сознание и побудить людей к определенным поступкам (действиям). Кроме того, в статье анализируется пласт информации, который был представлен обществу как «информационная атака». Информационные атаки группируются вокруг явлений, процессов, событий окружающего нас мира, побуждая реагировать на них определенным образом. В работе изучаются единицы информации, появившиеся в авторитетных британских средствах массовой информации в связи с действиями российских военных в Сирии (октябрь — декабрь 2015 г.) и представляющие по своему содержанию, согласно заявлению В. Путина, информационные атаки. Особое внимание уделяется исследованию метафорического представления данного феномена в политической коммуникации. Анализ данной концептуальной метафоры представляет большой интерес и вносит значительный вклад в разработку лингвистического определения термина «информационная атака», позволяет реконструировать образ-схемы, по которым кодируется, а затем интерпретируется информация.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: информационное противоборство; информационная атака; метафора; образ; схема; развитие языка; Сирия.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Коцюбинская Любовь Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой перевода и переводоведения, государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Ленинградской области «Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина»; 196605, г. Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10; e-mail: luba.74@mail.ru.

Лексический состав является наиболее подвижной частью языковой системы, которая довольно быстро реагирует на происходящие изменения в жизни общества. Никогда, как отмечает А. П. Миньяр-Белоручева, лексический состав не обновлялся так быстро, как в эпоху информационных технологий, когда была понята власть языка как основного инструмента манипуляции сознанием масс [Миньяр-Белоручева 2012: 32].

Следует отметить следующую особенность человеческого сознания: индивид обращает внимание только на те понятия и предметы, которые имеют названия. Что не получает имени, не воспринимается как существующее и остается без внимания [Миньяр-Белоручева 2012: 32]. Эту идею высказывал еще Ф. И. Буслаев в работе «О преподавании отечественного языка»: «Всякий предмет существует для человека только тогда, когда он им осознается, когда входит в его мысль и выражается словом» [Буслаев 1941].

В современном мире информационное противоборство, представляющее собой использование различных тактик и стратегий для воздействия на информационную среду противника, выступает главным способом борьбы за власть и реализации геополитических интересов государств [Почепцов 2000]. Научное изучение информационного противоборства имеет давнюю историю. Информационно-психологическое воздействие с целью повлиять на поведение противника применялось в вооруженных столкно-

вениях племен в войнах рабовладельческих государств. С появлением развитого современного государства информационное противоборство стало частью взаимоотношений различных стран как в военное, так и в мирное время [Щекотихин 2011: 10].

Политика информационного противоборства отражается в первую очередь в лексике и фразеологии языка. Так, в настоящее время наблюдается широкое употребление таких словосочетаний, как «информационная война», «информационный шум», «информационный фон», «информационное противодействие» и других, называющих те преобразования, которые имеют место в области внешней и внутренней политики. Е. С. Кубрякова пишет: «Знание как проверенный общественно-исторической практикой и удостоверенный логикой результат познания действительности фиксируется в знаках естественных и искусственных языков» [Кубрякова 1994: 45].

Концептуализация и категоризация являются основными познавательными процессами в языке. Принципы категоризации окружающего мира недостаточно изучены в различных областях науки. Одной из форм концептуализации действительности является концептуальная (когнитивная) метафора. В дискурсивном пространстве функциональная метафора базируется на существовании связей между метафорическими представлениями и их интерпретациями в процессе взаимодействия концептуальных пространств адресата и реципиента с целью

постижения специфики образования индивидуального и национального сознания. В этой связи можно говорить о концептуальной метафоре как о некоей модели, репрезентирующей определенные мыслительные пространства, например, в области информационной атаки.

Входя в сферу интересов человека и проходя через систему его ценностей, продукты ментальной деятельности обрабатываются и структурируются, подвергаясь оценочной категоризации, определяемой как группировка объектов и явлений по характеру их оценки в соответствующую систему оценочных категорий [Болдырев 2002: 103].

В основе понятия «информационная атака» лежит метафора, которая как форма мышления играет важную роль в развитии науки. Доказано, что характер метафоры, выбранной для определения того или иного научного понятия, оказывает существенное воздействие на его разработку. Поэтому представляется важным исследовать, в каких метафорических терминах осмысливается и структурируется деятельность, связанная с информационной атакой.

«Информационная атака» соотносится с термином «semantic attack» («семантическая атака»), предложенным Мартином Либикки (Martin C. Libicki) в 1995 г. в работе «Что такое информационная война?» («What is Information warfare?»). Американский ученый рассматривает семантические атаки как одну из форм сетевой информационной войны — кибервойны (cyberwarfare). При семантической атаке (в отличие от хакерской атаки) компьютерная система работает абсолютно правильно, но решения, которые она выдает, неверны: *the difference between a semantic attack and hacker warfare is that the latter produces random, or even systematic, failures in systems, and they cease to operate; a system under semantic attack operates and will be perceived as operating correctly (otherwise the semantic attack is a failure), but it will generate answers at variance with reality* [Libicki 1995: 77].

Термин «semantic attack» фиксируется в современных англоязычных словарях и поясняется следующим образом: *semantic attack (computer definition) — the use of incorrect information to damage the credibility of target resources or to cause direct or indirect harm. Examples include defamation (slander and libel), propaganda and stock manipulation schemes. Also known as "semantic hacking"* [Semantic attack].

Таким образом, семантическая атака представляет собой информационное воздействие на адресата, который формирует свое мнение под влиянием внешних (недос-

товерных, вымышленных или искаженных) факторов, не подозревая о том, что его намеренно ввели в заблуждение.

Принцип семантической атаки — распространение недостоверной (субъективной, намеренно выдуманной) информации с целью изменения в желаемом направлении общественного мнения — лежит в основе понятия «информационная атака». В октябре 2015 г. Президент РФ Владимир Путин называет сообщения некоторых западных СМИ о якобы имеющихся жертвах среди мирного населения от ударов российской авиации информационной атакой:

„Что касается информации СМИ по поводу того, что страдает гражданское население, мы к этим **информационным атакам** готовы“, — заверил Путин. „Первая информация о том, что есть жертвы среди гражданского населения, появилась еще до того, как в небо поднялись наши самолеты“ [Путин опроверг данные западной пропаганды].

Коммуникативное намерение президента заключается в донесении до адресата данных о том, что сведения о жертвах среди мирного населения являются ложными. Коммуникативная цель достигается с помощью сообщения о нарушении логической последовательности хода событий.

Другое сообщение российского информационного агентства, в котором фиксируется выражение «информационная атака», появляется в марте 2016 (28 марта, РИА «Новости», Москва). В нем говорится: *информационным атакам могут подвергнуться президент и его семья* [В Кремле рассказали о готовящемся...].

В данном заявлении пресс-секретаря главы государства Д. Пескова «информационная атака» интерпретируется посредством таких лексических единиц, как «заказуха», «опус» и «агитка»:

на Западе и в РФ консорциум международных расследований готовит „вброс“ информации, неприкрытую „заказуху“ о семье президента РФ Владимира Путина, друзьях его детства...;

*...они собираются в ближайшие дни... опубликовать очередные **опусы**;*

*...журналисты, которые ставят свои имена под такими **агитками**...; ... вопросы, которые задаются Путину в этой **агитке**.*

Эти лексемы, обладая ярко выраженной негативной коннотацией и сниженной стилистической окраской, не только определяют понятие, но и выражают отношение к нему говорящего, а именно дают отрицательную оценку информационной атаке. Таким образом, можно утверждать, что словосочетание

«информационная атака» обладает отрицательной коннотацией.

При этом прагматическая функция заявления Д. Пескова заключается в формировании у адресата определенной схемы восприятия информации.

Еще одной характерной чертой информационной атаки является ее моделируемость (планируемость): *...стоит задача выполнить информационную атаку, срежиссировать, состряпать и внедрить в информационную повестку дня.* Авторами информационных атак выступают не только журналисты разных СМИ, но и представители других организаций и служб, каналом передачи служат средства массовой информации.

Таким образом, информационная атака может быть определена как **способ вербализации и внедрения отдельных политически и/или идеологически значимых смыслов с целью воздействовать на общественное сознание и побудить людей к определенным поступкам (действиям)**. Во временном плане информационная атака может как предшествовать событию, так и следовать после него.

Выражение «информационная атака» фиксируется в англоязычном новостном пространстве в виде кальки — «*information attack/s*» — в связи с информированием общества о заявлениях президента России и его пресс-секретаря. Данный способ передачи иноязычного выражения свидетельствует о том, что словосочетание будет понято и декодировано носителями другой культуры:

Mr Putin made a live broadcast to deny reports of civilian casualties. "We are ready for such "information attacks," he said. "The first reports of civilian casualties came even before our jets took off" [Philp 2015b].

Reports of alleged casualties among civilians caused by Russian airstrikes in Syria emerged even before Russian warplanes were launched for their first combat mission, President Vladimir Putin said, branding such reports 'information attacks' [Putin: Claims Russian jets killed civilians...].

The Kremlin accused a group of international journalists of preparing an "information attack" on President Vladimir Putin's wealth and his ties to billionaire oligarchs in Russia (Bloomberg, США, 2016).

Отметим, что в англоязычных лексикографических источниках, в том числе и в корпусных словарях, на данный момент выражение «*information attack/s*» не отмечается.

Информационные атаки группируются вокруг явлений, процессов, событий окружающего нас мира, побуждая интерпретиро-

вать их определенным образом. Проанализируем единицы информации, появившиеся в британских СМИ в связи с действиями российских военных в Сирии и представляющие по своему содержанию, согласно заявлению В. Путина, информационные атаки.

Введение российских войск в Сирию представляется англоязычному лингвокультурному сообществу как агрессивное вмешательство во внутренние дела другого государства: ***intervention in Syria***. Усиливая образ агрессора, авторы отсылают читателя к событиям 2014 года на Украине: ***Russian annexation of the Crimea***, оценивая присоединение Крыма как насильственное и противоправное действие.

Проведение военной операции авиационной группой ВВС и ВМФ России приводит, во-первых, к обострению ситуации в регионе: ***Russia has escalated its intervention in Syria dramatically, firing a barrage of cruise missiles yesterday from battleships hundreds of miles away as warplanes gave cover to the first co-ordinated ground offensive against anti-Assad rebels***; ***Russia's intervention has deepened the complexity of a conflict***, во-вторых, представляет собой вызов всему западному сообществу: ***...one of the most intractable challenges to face the West since the end of the Cold War — Russia's escalation in Syria*** и, в-третьих, воспринимается как ***stand-off between Putin and the West*** и ***Putin's power grab***. Антитеза *Россия (Путин) — Запад* является смысловым стержнем большинства публикаций, подчеркивает расхождение во внешнеполитических взглядах и говорит о состоянии геополитической, экономической и военной конфронтации между странами.

Прецедентный феномен «The Cold War» не только напоминает читателю о советской эпохе, но и побуждает читателя воспринимать Россию как правопреемницу СССР, проводящую политику обострения идеологических конфликтов между государствами.

С другой стороны, называются и «союзники» Путина — это *...his (Putin's) client, President Basharal-Assad*. Метафорическое использование слова «*client*» — *a person who pays a professional person or organization for services [Client]* вызывает ассоциации, связанные с договорными, как правило, торговыми отношениями, что неприемлемо в государственной политике, которая, в свою очередь, выстраивается на основе законов и правовых актов. Кроме того, метафора *президент-клиент* актуализирует образ слабого главы государства, находящегося под покровительством России, вследствие чего авиаудары наносятся по сирийским повстанцам, которые выступают против режима

Башара Асада, а не по военным объектам террористических организаций: *Russian war planes are conducting about 20 stories a day, almost all against opponents of Assad in western Syria who have no links to Isis, which the Kremlin mendaciously professes to be their target.*

Усиление негативного образа президента Башара Асада достигается посредством другой метафоры — *президент-марионетка: the puppet role of Assad.* По данным англоязычных словарей, лексема *puppet* имеет следующие значения:

1) a doll that is moved by putting your hand inside it or by pulling strings or wires that are attached to it;

2) a person or an organization that is controlled by another person or organization.

Таким способом формируется общественное мнение о том, что Башар Асад является лишь инструментом в чужих руках: безвольным политиком, которым с легкостью управляют. В то же время Башару Асаду противопоставляется фигура В. Путина: *Putin believes he holds a commanding position on the chessboard.* Слово «chessboard» вызывает в памяти ассоциативный комплекс, связанный с игрой в шахматы, доминирующая позиция в которой принадлежит России, и в то же время актуализирует в сознании читателя метафорическую модель *политика — игра*. Эмоциональная окраска метафоры свидетельствует об отрицательном отношении к В. Путину, который не всегда руководствуется демократическими принципами, пытается оказать давление на другие страны, ведет нечестную политическую игру.

В результате актуализации таких экспрессивных средств языка, как «*be steeped in innocent blood*», «*murderous consequences for civilians*», «*slaughter civilians*», усиливается образ кровавого политика-диктатора:

The Russian president's hands may be steeped in innocent blood;

Putin... has been attacking rebel armoured vehicles and heavy weapons, with indifferent accuracy and murderous consequences for civilians;

Assad and Moscow slaughter civilians with cluster bombs.

Мысль о том, что вооруженный конфликт приводит к гибели мирных жителей, является лейтмотивом всех проанализированных нами британских СМИ:

Eight children were killed when two schools... were hit... All of the attacks have been directed at civilian, rather than military, targets;

There have been several reports of civilian casualties, and strikes on mosques and residential homes.

Англоязычному сообществу также внушается идея о том, что образ президента — лидера нации искусственно создается («*create a narrative*») и навязывается россиянам:

He has created a narrative for the Russian people that asserts their nation is under assault by the West ... He, Putin, is the only man with the courage and leadership skills to restore Russia to its rightful place in the place.

Итак, выполненный анализ воссоздает следующую образ-схему репрезентации сведений о действиях российских военных в Сирии англоязычному адресату: *разыгрывая шахматную партию, президент-марионетка заключает договор с президентом-агрессором, выполнение которого (договора) влечет за собой как грубое нарушение правовых норм, так и гибель мирных жителей.*

Следует отметить, что информационные атаки группируются не только вокруг военных конфликтов. Информационным атакам подвергаются и другие сферы деятельности человека и общества: искусство, образование, спорт и др. Министр спорта В. Мутко охарактеризовал допинговый скандал вокруг российских спортсменов как информационную атаку: «„идет обычная информационная атака на Россию, и она будет продолжаться“, — заявил Мутко...» [Михайлиди 2016]. В связи с этим кажется актуальным и интересным продолжать исследования в данном направлении.

Таким образом, реальный мир транслируется в информационное пространство сквозь призму концептуальной метафоры. В ходе этого процесса события окружающей нас действительности получают вербальное выражение, концептуализируются и категоризируются и становятся частью языковой картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев Н. Н. Структуры и принципы формирования оценочных категорий // С любовью к языку : сб. науч. трудов : посвящ. Е. С. Кубряковой. — М. ; Воронеж : Изд-во ИЯ РАН, ВГУ, 2002. С. 103—114.
2. Буслаев Ф. И. О преподавании отечественного языка. — Л., 1941.
3. В Кремле рассказали о готовящемся «вбросе» против Путина // РИА «Новости». 2016. 28 марта. URL: <https://ria.ru/politics/20160328/1398647492.html#ixzz46vkkoTQK> (дата обращения: 31.03.2016).
4. Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика — психология — когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 34—47.
5. Миньяр-Белоручева А. П. К проблеме создания политических неологизмов // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. 2012. № 25. С. 32—37. (Сер. «Лингвистика» ; 2012, вып. 15).
6. Михайлиди К. Мутко с юристами держит новый удар в информационной войне против России // Федеральное агентство новостей. 2016. 8 мая. URL: <http://riafan.ru/521423-mutko-s-yuristami-derzhit-novyi-udar-v-informacionnoi-voine-protiv-rossii> (дата обращения: 18.07.2016).
7. Почепцов Г. Г. Информационные войны. — М., 2000.

8. Путин опроверг данные западной пропаганды // Putin info. 2015. 1 окт. URL: <http://putininfo.com/8332806-putin-oproverg-dannye-zapadnoj-propagandy/> (дата обращения: 31.03.2016).

9. Шекотихин В. М. Информационная война. Информационное противоборство: теория и практика : моногр. / под общ. ред. канд. техн. наук, проф. В. М. Шекотихина. — М. : Акад. ФСО России : ЦАТУ, 2011.

10. Client // Merriam-Webster. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/client>.

11. Hastings M. Putin's power grab // The Sunday Times. 2015. Oct. 11. URL: <http://thesundaytimes.co.uk/sto/news/focus/article1618083.ece> (date of access: 25.04.2016).

12. Libicki Martin C. What is Information Warfare? — Washington : National Defense Univ., 1995.

13. Philp C. Putin fires 26 cruise missiles to launch Assad's fightback // The Times. 2015a. Oct. 8. URL: <http://thetimes.co.uk/tto/news/world/middleeast/article457927> (date of access: 25.04.2016).

14. Philp C. Russia bombs US-trained rebels in Syria as Iran reinforces troops // The Times. 2015b. Oct. 2. URL: <http://thetimes.co.uk/tto/news/world/middleeast/article457361> (date of access: 25.04.2016).

15. Putin: Claims Russian jets killed civilians in Syria emerged before airstrikes started // RT. 2015. 1 Oct. URL: <https://www.rt.com/news/317188-putin-civilian-casualties-syria/> (date of access: 3.10.2015).

16. Rubin J. While Obama Shrugs, Putin struts into Syria to play world policeman // The Sunday Times. 2015. Sept. 20. URL: <http://thesundaytimes.co.uk/sto/comment/columns/article160...> (date of access: 25.04.2016).

17. Semantic attack // Your Dictionary. URL: <http://www.yourdictionary.com/semantic-attack>.

18. Smith H. L. Assad and Moscow slaughter civilians with cluster bombs // The Times. 2015. Dec. 21. URL : <http://thetimes.co.uk/tto/news/world/middleeast/article464594> (date of access: 25.04.2016).

L. V. Kotsyubinskaya
St. Petersburg, Russia

METAPHOR “INFORMATION ATTACK” AS THE OBJECT OF LINGUISTIC STUDY

ABSTRACT. *Changes in society are reflected in the language. Never before has the political vocabulary enriched as quickly as today in the age of Information Warfare when the struggle between nations involves the use and management of information and communication technology. Metaphorical expressions “information war,” “information noise,” “information society” ect. have recently appeared in the language. The article deals with “information attack”, analyses the conceptual metaphor that is in the basis of the term, as well as defines the notion of “information attack”. For the purpose of this paper, information attack is referred to as a way of verbalization and implementation of politically and/ or ideologically significant ideas in order to influence on public consciousness and behavior. Information attacks cluster about events and phenomena. The article examines the body of information (according to president Putin “information attacks”) about Russian military action in Syria presented by the British media in October-December 2015. Special attention is paid to the study of metaphorical representation of “information attacks” in political communication and the reconstruction of image schemas, which establish patterns of understanding and reasoning.*

KEYWORDS: *information warfare; information attack; metaphor; image; schema; language evolution; Syria.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kotsyubinskaya Lyubov Vyacheslavovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Department of Translation Studies, Pushkin Leningrad State University, Pushkin, Russia.*

REFERENCES

1. Boldyrev N. N. Struktury i printsipy formirovaniya otsenochnykh kategoriy // S lyubov'yu k yazyku : sb. nauch. trudov : posvyashch. E. S. Kubryakovoy. — M. ; Voronezh : Izd-vo IYa RAN, VGU, 2002. S. 103—114.

2. Buslaev F. I. O prepodavanii otechestvennogo yazyka. — L., 1941.

3. V Kremlе rasskazali o gotovyashchemsya «vbrose» protiv Putina // RIA «Novosti». 2016. 28 marta. URL: <https://ria.ru/politics/20160328/1398647492.html#ixzz46vkk0TQK> (data obrashcheniya: 31.03.2016).

4. Kubryakova E. S. Nachal'nye etapy stanovleniya kognitivizma: lingvistika — psikhologiya — kognitivnaya nauka // Voprosy yazykoznanija. 1994. № 4. S. 34—47.

5. Min'yar-Beloruheva A. P. K probleme sozdaniya politicheskikh neologizmov // Vestn. Yuzh.-Ural. gos. un-ta. 2012. № 25. S. 32—37. (Ser. «Lingvistika»; 2012, vyp. 15).

6. Mikhaylidi K. Mutko s yuristami derzhit novyy udar v informatsionnoy voynе protiv Rossii // Federal'noe agentstvo novostey. 2016. 8 maya. URL: <http://riafan.ru/521423-mutko-s-yuristami-derzhit-novyi-udar-v-informacionnoi-voine-protiv-rossii> (data obrashcheniya: 18.07.2016).

7. Pocheptsov G. G. Informatsionnye voyny. — M., 2000.

8. Putin oproverg dannye zapadnoy propagandy // Putin info. 2015. 1 okt. URL: <http://putininfo.com/8332806-putin-oproverg-dannye-zapadnoj-propagandy/> (data obrashcheniya: 31.03.2016).

9. Shchekotikhin V. M. Informatsionnaya voyna. Informatsionnoe protivoborstvo: teoriya i praktika : monogr. / pod obshch. red. kand. tekhn. nauk, prof. V. M. Shchekotikhina. — M. : Akad. FSO Rossii : TsATU, 2011.

10. Client // Merriam-Webster. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/client>.

11. Hastings M. Putin's power grab // The Sunday Times. 2015. Oct. 11. URL: <http://thesundaytimes.co.uk/sto/news/focus/article1618083.ece> (date of access: 25.04.2016).

12. Libicki Martin C. What is Information Warfare? — Washington : National Defense Univ., 1995.

13. Philp C. Putin fires 26 cruise missiles to launch Assad's fightback // The Times. 2015a. Oct. 8. URL: <http://thetimes.co.uk/tto/news/world/middleeast/article457927> (date of access: 25.04.2016).

14. Philp C. Russia bombs US-trained rebels in Syria as Iran reinforces troops // The Times. 2015b. Oct. 2. URL: <http://thetimes.co.uk/tto/news/world/middleeast/article457361> (date of access: 25.04.2016).

15. Putin: Claims Russian jets killed civilians in Syria emerged before airstrikes started // RT. 2015. 1 Oct. URL: <https://www.rt.com/news/317188-putin-civilian-casualties-syria/> (date of access: 3.10.2015).

16. Rubin J. While Obama Shrugs, Putin struts into Syria to play world policeman // The Sunday Times. 2015. Sept. 20. URL: <http://thesundaytimes.co.uk/sto/comment/columns/article160...> (date of access: 25.04.2016).

17. Semantic attack // Your Dictionary. URL: <http://www.yourdictionary.com/semantic-attack>.

18. Smith H. L. Assad and Moscow slaughter civilians with cluster bombs // The Times. 2015. Dec. 21. URL : <http://thetimes.co.uk/tto/news/world/middleeast/article464594> (date of access: 25.04.2016).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, доц. О. Н. Морозова.